

Клэнси Имисланд

(трезвый с 31-го октября 1958 года)

Перевод фрагмента* аудиозаписи, сделанной на 60-й Конференции АА штат Кентукки, город Форт Митчелл, 19 февраля 2011 года

Меня зовут Клэнси Имисланд. Я – алкоголик. Не знаю почему, но у меня репутация старого ворчуна, хотя на самом деле я – добрейшая душа.

У нас у всех разное прошлое. Я рос в стабильной, дисциплинированной семье в северной части штата Висконсин. Норвежские лютеране. Очень строгие и правильные. Я тогда не знал, что моя семья была такой. Я также не знал, что мы были очень бедными. Я рос во времена депрессии. Однако дела у меня шли хорошо. Я был воспитан в религиозных традициях. В школе я преуспевал, потому что много и быстро читал. У меня была прекрасная жизнь и светлое будущее. Помню, как кто-то сказал, что когда-нибудь я стану губернатором. Когда мне было 11 или 12, мои родители развелись. Казалось бы, ничего страшного – развод не такая уж редкость. Но в то время и в том возрасте я знать ничего не знал про разводы. Ни в нашей церкви, ни в нашей семье до этого их не было. Меня это жутко задело. И хотя мне объяснили, что происходит, я был очень обижен на моих родителей, потому что моя жизнь изменилась. Тогда я сразу стал делать то, что не должен был. Теперь, глядя на то, что происходило, я понимаю свою большую ошибку. Я стал манипулировать отцом и матерью, настраивая их, друг против друга, и, разрушая тем самым устоявшуюся организованность своей жизни. Если мать устраивала мне взбучку, я бежал к отцу. Если отец давал мне втык, я мчался к матери. А если оба наезжали на меня – я шёл к бабушке. Так я дурачил их снова, снова, и снова...

Когда мне было 15, у меня был завал по всем предметам в школе и я вёл себя ужасно. Я был саркастичным, мерзким сопляком. Друзей у меня практически не было. Несколько ребят, с которыми я общался, были отпетыми школьными хулиганами. Пара из них кончили тюрьмой, и я двигался в том же направлении. Но меня спасло то, что японцы разбомбили Пёрл-Харбор. Это было настолько значительно, что отвлекло меня от всего прочего. Я не мог дождаться, когда мне дадут 10 центов на билет в кино, чтобы посмотреть очередную ленту новостей. Телевизоров-то тогда не было.

А потом один из старшеклассников пришёл в школу и сказал, что записался добровольцем в морской флот. Это был высокий, стройный, смуглый парень. Он смотрелся шикарно в новой синей форме. Все девчонки заглядывались на него и вздыхали с обожанием. Я сразу решил: «Это именно то, что мне нужно!» Правда, был я тогда «от горшка два вершка», очки на носу и вся физиономия в прыщах, но я твёрдо верил, что морская форма сгладит эти мелочи. Я сказал матери, что хочу поехать навестить мою тётю, которая жила в другом городе. Мать дала мне денег на автобус, и я поехал... но не к тёте. Один парень довёз меня на попутке до

Миннеаполиса, 150 километров. Там я стал спрашивать у людей, как добраться до Сан-Франциско. Мне посоветовали добираться автостопом. Я был настолько глуп, что даже не знал, как это делается. Мне объяснили, что надо поднять вверх большой палец и улыбаться. Так я и стоял у дороги с поднятой рукой и улыбкой дебила... а мимо пролетали машины. Вдруг одна остановилась, и мужик спросил меня: «Куда едешь, пацан?» Я ответил, что еду в Сан-Франциско. Он сказал: «Я тоже! Залазь!» Выяснилось, что он служит во флоте и срочно возвращается на корабль.

Я не знаю, почему он подобрал меня. Это было какое-то чудо. По-моему, он был просто святым. Он провёз меня через всю страну. Тогда ещё отелей практически не было, поэтому мы останавливались в придорожных парках, где стояли передвижные домики, и можно было снять койку на ночлег. Он платил за моё спальное место, покупал мне еду и слушал моё писклявое нытьё про то, как я хочу мстить япошкам.

Когда мы, наконец, подъехали к Сан-Франциско, он сказал: «Слушай, пацан, ты явно ещё маленький. Сколько тебе лет?» Я проблеял: «Пятнадцать». Он сказал: «Я объясню тебе, что надо сделать. Иди-ка ты в береговую охрану. Они, кажется, берут, если тебе – 16. Я подброшу тебя до их офиса. Не забудь сказать им, что тебе – 16». Я пришёл туда. Мне дали заполнить бумаги. Ну, я написал, что мне 16, а мне говорят: «О, так тебе только 16! Тогда тебе понадобится разрешение от родителей». Я взял бумаги, вышел за угол, «получил разрешение родителей» и принёс всё обратно. Мне тут же выдали морские документы. Никакой подготовки. Ничего. Нам с каким-то парнем дали подписать бумаги на профсоюзные взносы. Потом посадили на огромный корабль, а с него в тот же день отправили на торпедном катере в южную часть Тихого Океана. Первый час поездки был довольно развлекательным: вон там у нас в прошлом году проводили мировую ярмарку, а вот Алькатрас, а там «Золотые Ворота»... а дальше – вообще ничего. Но я был тогда дурак дураком, меня всё восторгало, и я ничего не боялся.

Меня поместили в каюту с тремя худшими для такого, как я – маленького глупенького норвежского лютеранина-мальчишки – людьми. Эти люди называются мужчины. Глядя на меня, они как бы спрашивали: «А это что такое?» В каюте сложилась напряжённая атмосфера. Тогда, для разрядки, я решил рассказать историю, которая в своё время пользовалась популярностью у нас в школе на большой перемене. Здесь она почему-то не возымела успеха. Мне сказали: «Лезь на свою койку и заткнись!» Я лежал тихо, как мышка. Корабль плыл куда-то. Было жарко. А потом эти мужики стали разговаривать...

Знаете, я плохо себя вёл, когда жил в Висконсине. На тот момент я уже грубо нарушил три заповеди: несколько раз забыл о том, что в нашей религии воскресенье – это святой день, своей грубостью проявил неуважение к родителям, и упоминал имя Господа всуе, общаясь со своими школьными приятелями-хулиганами. Но когда эти мужики начали разговаривать, я понял, что нахожусь в обществе настоящих грешников. Хуже некуда. Это были ужасные люди. В течение трёх дней они продолжали рассказывать о грязных развратных вещах, которые они вытворяли с женщинами. Я был в шоке. Я просто не мог в это поверить! Не поймите меня превратно, у меня был секс ещё в Висконсине. Но я, помнится, жутко нервничал,

боялся... и вообще был один! А эти парни занимались такими вещами с другими людьми! И я вдруг понял: «Ну, конечно, у них у всех чёрные волосы! Это те самые католики, о которых я слышал!»

Со временем я стал чем-то вроде корабельного дурачка, и у меня сложились со всеми нормальные отношения. Ну, а эти ребята считали меня за полного идиота, что, видимо, и спасало меня, как убогого. Они подтрунивали надо мной: «Эй, пацан, притащи-ка отвёртку для левшей!» или «Сбегай к капитану и скажи ему, что нам срочно нужен вазелин!» Ну и тому подобное...

Корабельная вахта длится 4 часа, потом 8 – отдыхаешь, потом снова 4 часа работаешь, а потом снова 8 – отдыхаешь. У нас всё время получалось, что мы работали то с 4-х до 8-ми, то с 8-ми до 12-ти. Эти парни, приходя с работы, начинали пить виски, которое они прятали у себя в вещмешках. Вообще-то иметь спиртное на корабле запрещалось. Но как их остановишь? Я лежал у себя на койке и трясся мелкой дрожью от возмущения. И вот однажды один из них повернулся ко мне и рывкнул: «Ну, как насчёт выпить, деточка?! Мужик ты или нет?!» Он сунул мне бутылку под нос. Тут я завёлся: «Может я и плохой лютеранин, но всё-таки я – лютеранин! Ты, видать, не знаешь, что я норвежский лютеранин. Мы не пьём виски и не общаемся с теми, кто его пьёт. Мои мама и бабушка никогда не пили виски! И больше не суй мне под нос эту гадость!» – собрался было сказать я ему. Но тут я снова услышал: «Ты мужик или нет?!» А потом раздался звук моего голоса: «Можешь не сомневаться!» Так я сделал первый глоток виски из первой же бутылки, которая оказалась передо мной. Оно обожгло мой рот, моё горло и внутренности. Меня тут же стошнило, а эти ребята захохотали.

И по сей день я не знаю ощущения хуже, чем публичный позор. Это как будто кто-то сдёрнул с тебя одеяло, и ты оказался голым перед всем миром. Мне страшно хотелось ударить этого парня. Я позже подумал, что было бы правильно подозвать его к себе, словно я хочу шепнуть ему что-то, и когда он приблизится, плевануть на него. Но за такие проделки меня могли и за борт кинуть.

С того дня, пока мы плавали в центральной части Тихого Океана, я каждый день делал хотя бы глоток виски. У меня это стало, своего рода, идеей фикс. Я считал, что все они относятся ко мне, как к малому дитяти именно потому, что меня стошнило, когда я выпил. На самом-то деле это было по совсем другим причинам, но мне так казалось.

И вот мы, наконец-то, прибыли в Пёрл-Харбор. Дым ещё висел над водой. Это было за день до моего шестнадцатилетия. В тот вечер я выпил виски. Оно опять обожгло, но на этот раз никаких позывов рвоты я не испытал. Правда, какое-то время мне было трудно дышать. Но вдруг я почувствовал себя много лучше. Я поймал себя на том, что постоянно облизываю губы. А ещё я понял, что если выпить и удержат виски внутри, то начинаешь чувствовать себя лучше. Я, кстати, далеко не сразу превратился в тяжёлого алкоголика. На следующий день мы сошли на берег и ребята купили мне 3 бутылки пива. Теперь эти парни казались мне очаровательными, и я, похоже, тоже казался им очень милым. А потом мы отправились на Алеутские острова. Многие не знают, но во время второй мировой войны Япония успешно оккупировала часть США, захватив эти острова. Произошло

много интересного. Наконец, в 17 лет я попал в военно-морской флот. В конце войны я валялся в госпитале, где меня собирали по кускам. Однажды там всем раздали какой-то тест. У меня, видимо, есть способности к тестам, потому что я много читаю. Помню, как прибежал один из парней и сказал: «Клэнси, это, наверное, ошибка, но результаты теста показали, что по уровню интеллекта тыходишь в 5% самых умных из всех, кто служит во флоте! А это включает в себя даже тех, кто работает в разведке!» В результате за это я получил диплом об окончании школы. Ведь я не закончил её, когда ушёл служить.

После войны я вернулся в Висконсин и пошёл в университет. Я активно участвовал в их спортивной программе и даже выиграл несколько соревнований. Многие из вас слишком молоды, чтобы помнить это, но в 1946 году толпы ветеранов практически одновременно демобилизовались и пошли учиться. Они заполнили все университеты. И вот сидишь, бывало на лекции английского, и какая-нибудь девчонка, заморожено глядя на тебя, спрашивает: «Ты был на войне?», а ты отвечаешь: «Да. Ты даёшь?» Многим давали. Я, наконец, нашёл ту, которая дала мне и мы женаты уже 60 лет.

Меня часто спрашивают, каким образом такой сорвиголова, как я умудрился оставаться трезвым столько лет. Это просто. Дело в том, что ни я, ни моя жена не хотели растить детей в одиночку. Шучу...

Итак, я окончил университет и стал работать спортивным журналистом, что и по сей день является моей любимой профессией. Я обожал писать о профессиональном спорте. Но потом моя жена начала демонстрировать ужасное поведение католиков, о котором я ничего не знал. Мало того, я не знал никого, кто бы знал хоть что-нибудь об этом. Если среди вас есть порядочные мальчишки-протестанты и вы влюбились в хорошенькую девочку-католичку, у меня для вас есть новость: у вас будет большая семья – хотите вы того или нет. Я стал государственным производителем католиков. Из-за этого мне пришлось найти работу, где платили больше. Я пошёл работать писателем в агентство спортивной рекламы. Дела шли хорошо. У нас в семье появился первый ребёнок. Но тут начались очередные передраги. Меня стали вызывать к шефу. Он говорил мне: «Клэнси, ты шикарно пишешь, но нам надо, чтобы ты появлялся на работу ещё и по понедельникам. И, кстати, каждый раз, когда ты приходишь на работу, от тебя за версту разит перегаром». А с тех пор, как я демобилизовался, я пил каждый день. Я научился пить, и обожал это дело. Алкоголь, как ни что другое, давал мне возможность делать всё с удовольствием. Я действительно наслаждался выпивкой. Правда иногда случался перебор... И вот на работе заявили, что мне необходимо делать что-то по поводу моего пьянства. К счастью, я уже тогда слышал про Анонимных Алкоголиков. Кто-то посоветовал их мне ещё до ситуации на работе. Я пришёл к своему шефу и сказал: «Мистер Коллинз, я начал много пить ещё когда служил во флоте. Тут в городе есть организация, которая называется Анонимные Алкоголики. Что Вы думаете, если я возьму пару недель отпуска и пойду к ним подлечиться? Ну, а потом я вернусь, и всё будет в полном ажуре». Он ответил: «Прекрасная идея!» И я пошёл в АА. Тогда о них было мало что известно – это была какая-то мистическая лавочка. Прихожу, а там 8 толстяков сидят у стола и

спрашивают меня: «Тебе чего здесь надо?» А мне тогда было – 22, да и выглядел я моложе своих лет. По-моему, в те времена там не было ни одного человека моложе сорока лет. Мой приход туда выглядел, как если бы десятилетний мальчишка вошёл на собрание и пискнул: «Я – алкоголик».

Я ходил к ним на несколько собраний. Они всё время рассказывали о том, как много они пили. У меня создалось впечатление, которое я хранил в течение многих лет, хотя уверен, что на самом деле это было не так. Мне казалось, что от всех подряд я слышал там приблизительно следующее: «Я двадцать пять лет пил с утра до вечера! Однажды я вошёл в эти двери. Здесь мне сказали, чтобы я завязывал. Я так и сделал. И я никогда не был счастливей, чем сейчас, чёрт вас всех побери!»

Поняв, что за эти две недели не смогу бросить пить, я нашёл себе другую работу в другом штате. Я поступал так 10 лет – продолжал пить и периодически ходил в АА, менял работы, и постоянно испытывал эмоциональные взлёты и падения... Наконец, я очутился в Далласе, штат Техас. Там я работал в самом большом южном агентстве рекламы. И вот однажды, после очередного пропущенного дня, меня вызвали к начальству и сказали: «Клэнси, мы потеряли из-за тебя контракт с компанией «Fritos». Это произошло то ли потому, что я сделал что-то, то ли потому, что не сделал чего-то. Мне объявили: «Сдай ключи от служебной машины. Вот тебе последняя зарплата. Забери все свои вещи с рабочего места и иди домой. Мы вчера позвонили твоей жене и сказали ей, что ты будешь сегодня дома, потому что мы тебя уволили». Я подумал: «Плохи дела...» и отправился домой. По пути я, конечно же, выпил и добирался туда пару дней. Когда я, наконец, пришёл домой, мои шмотки лежали перед входной дверью. Жена продала всю мебель, забрала детей и уехала. А я подумал: «Все они такие. Совершишь какую-нибудь мелкую ошибочку, и они сразу ополчаются против тебя». Но я решил, что мне пора убираться из Техаса. Дело в том, что из-за ряда невезений и непониманий я был поставлен на учёт об условном освобождении из местного дурдома. Жена поставила меня на этот учёт, и я был уверен, что она уже сообщила им о моём поведении. Поэтому мне нужно было срочно уезжать. А за пару недель до этого один мой знакомый спрашивал меня, не знаю ли я кого-то, кто мог бы отогнать его машину в Лос-Анджелес. Тогда я ответил, что не знаю такого человека. Но теперь я знал его. Я пришёл к этому парню и заявил: «Я поеду!» Он спросил: «А что насчёт твоей работы?» Я ответил: «Они там все гнилые. Я уволился». Он дал мне кредитную карту и денег. Я взял его машину, закинул в неё всё своё барахло и поехал. В первый день я добрался до Эль-Пасо, штат Техас. Поставил машину на стоянку и отправился в район, который называется Хуарес. Я раньше работал в Техасе при университете. Одно из самых ярких времён в моей жизни. Помню, как я стоял пьяный в дым в баре на столе и орал во всю глотку мексиканские песенки... На следующий день я проснулся с жутким похмельем, но добрался до Феникса, штат Аризона. И я точно знаю, что припарковал машину там. Друзей в этом городе у меня не было. Но машину я припарковал как следует. То есть, спрятал её хорошо – до сих пор найти не могу!

В эту ночь я бродил по улицам в поисках машины, а мимо проходил какой-то парень. Я окликнул его: «Эй, слышь, помоги мне найти мою машину!» Он ответил:

«Я занят». Я стал убеждать его: «Будь добрым человеком, помоги найти тачку!» Он рывкнул: «У меня нет времени заниматься твоими проблемами! Оставь меня в покое!» Я схватил его за грудки. Он отвёл мои руки, достал полицейское удостоверение... забрал меня в тюрьму, пихнул в камеру и сказал: «Остынь тут, крикун!»

Трудно остыть в тюрьме, когда температура воздуха под +50. Я, наконец, заснул. Проснулся среди ночи от тошноты. Мне было очень хреново. Меня вырвало, но не в туалет, а на чью-то койку. Слава Богу, что в тот момент там никто не лежал. А потом (я не знаю, делали ли вы когда-нибудь так) я лёг на пол и прижался щекой к холодному кафелю. Это прекрасное чувство. Я снова заснул, но тут вернулся парень, в чью койку я наблевал. «Ах, ты, сволочь!» – заорал он и выбил мне передние зубы, хотя, я уверен, что он не собирался этого делать. За несколько лет до этого я провёл какое-то время в психотерапии. Но в тот день я впервые смог по-настоящему оценить всё то, что вынес из этих сеансов. Я практически сразу сумел определить, в чём проблема этого парня. Я помню, как подумал: «Этот сукин сын принимает всё слишком близко к сердцу». Но я не стал ничего говорить ему. Утром меня выпустили из тюрьмы. Меня мутило. Я был весь в грязи, в крови, в блевотине... Я никого здесь не знал. На тот момент у меня даже не было никого, кому бы я мог позвонить. Все мосты были сожжены. Но я скажу всем вам, что если вы одни из тех, кто всё время срывается, то не важно, куда вас занесёт – есть одно место, где вам всегда будут рады. Это - Сообщество АА. Это единственное место, где, чем хуже ты выглядишь, тем больше ты им нравишься. «Это мой красавчик, ребята!»

Итак, я нашёл местный клуб АА и уговорил какую-то старушку дать мне 20 долларов, якобы для того, чтобы переночевать, пока я жду денежного перевода. На её деньги я купил билет на автобус до Лос-Анджелеса. Там жил один мой знакомый, у которого дела шли шикарно. Я в своё время помог ему подняться, когда он только начинал. Я позвонил ему и сказал: «Тед, я попал в ужасную аварию и потерял всё, что у меня было с собой. Ты бы не мог мне помочь, пока я жду денег от страховой компании». Он воскликнул: «Клэнси, о чём ты говоришь?! Конечно!» Он объяснил мне, как добраться автобусом до его офиса на Голливудском бульваре. Увидев меня, он только и смог произнести: «Бедный парень...» Он тут же отстегнул мне 200 баксов, по тем временам это были большие деньги. Я поблагодарил его. Пошёл, снял комнату. Слегка привёл себя в порядок. Потом пил «в чёрную» пару дней. А потом деньги кончились, и я снова позвонил ему и сказал: «Тед, эти бюрократы мне почему-то до сих пор не заплатили. Ты бы не мог помочь мне ещё один разок?» Он ответил мне: «Клэнси, я звонил в Даллас. У тебя нет машины. Ты же пьянь подзаборная. Никто не хочет иметь с тобой никаких дел. Ты – бомж. Ты наврал всем «с три короба». Ты всех подвёл. Со мной этот номер не пройдёт». Я стал умолять его: «Тед, ради Бога, по старой дружбе, помоги... Мне так плохо... Пожалуйста». Он сказал: «Ладно. Приходи сегодня вечером к зданию станции телевидения, но не с главного входа на Голливудском бульваре, а по задней аллее к чёрному ходу. Будь там в девять. Если я смогу выйти, то спущусь к тебе по пожарной лестнице. Может быть, я появлюсь, а, может быть, нет». Я пришёл туда в полдевятого. Лил дождь. Я стоял и ждал. Он вышел ко мне в девять и сказал: «Клэнси, мне противно смотреть

на тебя». Он швырнул мне смятые 5 долларов и ушёл. А я кинулся поднимать деньги, которые валялись в мокрой грязи, и подумал: «Хорошо я его раскрутил».

После этого я проснулся в ночном кинотеатре. Таких уже нет в наши дни. Эти кино работали всю ночь. А где-то около 5-ти утра устраивался перерыв. Место нужно было вычистить. Всех бомжей, которые, купив билет за 35 центов, ночевали там, выгоняли. Я стоял на улице, озираясь по сторонам, и не знал, куда идти. Ко мне подошёл какой-то кадр и спросил: «Хочешь продать пинту крови?» Я ответил: «Мечтаю!..» Мы дошли до 4-ой Стрит и встали в очередь на станции переливания крови. Когда подошёл мой черёд, у меня взяли каплю крови, что-то там посмотрели и сказали: «У тебя, парень, не достаточно железа в крови. Ты нам не подходишь». Я совсем растерялся, и чуть не плача сказал: «Я ужасно себя чувствую. Пожалуйста, Христа ради, помогите мне...» Они ответили: «Через 4 улицы есть ночлежка, которая называется «Полуночное убежище». Там сейчас дают бесплатный завтрак. Иди-ка туда». Дождь продолжал лить. Я пришёл в ночлежку и попросил: «Дайте, пожалуйста, позавтракать». А парень ответил мне: «Ты опоздал буквально на минуту. Мы уже закончили выдавать завтрак. Возвращайся в 12 дня – у нас будет обед». Я сказал: «Я не могу ждать так долго. Мне плохо. Помогите». Парень объяснил: «Не могу ничем тебе помочь. Еды больше нет. Возвращайся днём». Тут я и его схватил за грудки. У меня с этим делом было просто какое-то невезение. Двое мужиков оттащили меня и выпихнули за дверь со словами: «Не вздумай больше сюда возвращаться, сукин сын!» Я пытался объяснить им, что я не сукин сын, что три года тому назад я был членом преподавательского состава Техасского Университета, что рекламы, которые я создал, печатались в таких журналах, как «Life», «New Yorker» и «Saturday Evening Post» и что за заслуги в рекламной индустрии «New York Times» напечатала мою фотографию! Но трудно успеть объяснить всё это, когда вылетаешь за дверь.

Итак, я снова оказался на улице. Дождь продолжал лить, да к тому же похолодало. Я чувствовал себя кошмарно – меня тошнило.

Если бы ко мне тогда кто-то подошёл и сказал: «Доходяга, ты же умираешь. Ты исхудал до 57-ми килограммов, потерял жену и детей (ты их больше никогда не увидишь). Твоя карьера накрылась. Помнится, когда-то тебя называли «мальчишка-гений»... А сейчас ты бы не смог найти себе работу даже посудомойщиком. Посмотри на себя!.. Из рта сочится кровь. Вся твоя одежда, документы и деньги остались в той машине где-то в Фениксе. Отчим запретил твоей матери отвечать на твои телефонные звонки, потому что он устал смотреть на то, как ты манипулируешь её эмоциями, и на то, как она снова и снова ходит в банк, снимает со своего счёта деньги и отправляет их тебе, пытаюсь помочь «своему мальчику». Отчим считает, что лучше бы она думала о тебе, как об умершем, нежели видела тебя таким, какой ты есть. Ты ходишь в АА вот уже 10 лет. Ты сидишь на собраниях, пряча свою ехидную пренебрежительную улыбочку, и думая о том, что эти придурки зачитывают вновь и вновь какие-то глупости и повторяют пустые высказывания... А сейчас ты умираешь. Может быть, тебе следует ещё раз пойти в АА и признать, что ты – алкоголик?»

Я бы откровенно ответил ему: «Ты не понимаешь, дружище. Я – не алкоголик. В этой стадии моей жизни, я бы очень хотел им быть. Тогда всё было бы просто. Было бы здорово, если б я мог сидеть на собраниях и говорить, что я – алкоголик и что теперь, бросив пить, я чувствую себя прекрасно. Но у меня другая ситуация. Со мной что-то не так там – внутри. Я потратил тысячи долларов, пытаюсь исправить это. Знаешь, говорят, что алкоголики не могут бросить пить... Я бросал много раз! Я могу остановиться. Перестать пить, для меня, никогда не было проблемой. Моя проблема в том, что спустя пару дней после того, как я завязываю, словно кто-то пробирается ночью ко мне в спальню и вставляет внутрь меня пружину. А эта пружина постепенно начинает сжиматься всё сильнее и сильнее. Нет, у меня не появляется мысль, что мне надо срочно выпить. Но я начинаю чувствовать лёгкое беспокойство и становлюсь слегка раздражительным... Надоедают все эти клоуны вокруг... И в короткое время моя жизнь из полноцветной становится серой: серая работа, серые люди, серая семья... всё серое! И тогда мне становится очень плохо. Вот почему я потратил огромные деньги на психотерапию. Я искал пути прервать повторения этого цикла. Я всё перепробовал. Но ведь я уже давно знаю, как избавиться от этих чувств. Поднимем тост! И сразу становится легче. Вот только на этот раз мне надо будет проконтролировать, сколько я выпиваю...

Я не знаю, как объяснить это людям, которые утверждают, что у меня проблема с алкоголем. Ничего подобного! Алкоголь – это лучший из всех друзей, которые у меня когда-нибудь были. Друзья приходят и уходят, любовники приходят и уходят, работы приходят и уходят, города приходят и уходят... Но когда выпивка заполняет всё внутри тебя – это обалденно. У меня только одна проблема – я вынужден следить за количеством...

Используя аналогию с диабетом, вот как я это вижу. Если я диабетик, который принял слишком много инсулина, то у меня будет шок. Значит, мне надо найти способ избежать этого, но я же не могу перестать принимать инсулин. У меня такое же отношение к алкоголю. Он необходим мне потому, что если его нет, я становлюсь замкнутым, депрессирующим размазнёй. Кошмар. А как только я выпью, то становлюсь чем-то значимым. Порой у меня перелёт, но в основном я на вершине.

Ну, с какой стати я буду считать себя алкоголиком? У меня нет проблемы с алкоголем! Он мой лучший друг. Это всё из-за идиотов, с которыми мне приходится иметь дело, когда я трезвый, и мест, в которых мне приходится бывать».

Но ко мне тогда никто не подошёл и ничего не сказал.

Вместо этого я поинтересовался у какого-то попрошайки: «Эй, приятель, где тут клуб АА?» Он ответил: «Поблизости ничего такого нет. Тебе надо попасть в западную часть города на Уилшер и Фэрфакс» «Это ещё где?» – спросил я. Он сказал: «Поднимешься вон на тот холм, а за ним увидишь Уилшер. Пойдёшь по нему на запад и придёшь к Фэрфакс». И я пошёл. Вот только он не сказал мне, что до места надо было идти 12 километров. Я шёл всю дорогу под дождём. Это выглядело, как марш смерти. Мой рот снова начал кровоточить...

Наконец, я добрался до клуба. А там, в дверях стоял ещё один дебил: «Добро пожаловать домой, сынок! Ха-ха-ха!..» Днём я старался избегать общения, чтобы никто из этих придурков не лез ко мне и не пытался прочесть мне что-нибудь из их

книги. Я её читал, и она показалась мне тупой. А вечером у них было собрание. Всех позвали: «Пора на собрание!» Зато на собрании давали кулич. Я умял наверно пару кило этого кулича потому, что мог его прожевать. А темой собрания оказалась «Благодарность», и я чуть не выблевал весь этот кулич. Потом все разошлись по домам. Дождь продолжал лить. Я не знал, что мне делать и куда деваться. А менеджер клуба смотрел на меня как-то странно и, похоже, намеревался выгнать за дверь. Я уже собрался было отправляться обратно в сторону ночлежки... Но у меня изредка получается довольно успешно создать вид растерянного новичка. Я подошёл к менеджеру и сказал: «Я новенький и очень хочу остаться трезвым. На улице дождь. Я не знаю, куда идти. Вы не могли бы мне помочь?» Он ответил: «Тебе повезло, сынок. У нас тут с прошлого лета стоит заброшенный Мёрк 49-го года. Он, правда, не заводится, но зато в нём сухо. Можешь спать там». Я был ошарашен: «Вы хотите мне сказать, что в АА единственное решение бездомности – это спать в заброшенной машине?» Он ответил: «Да! Отличный вариант, правда?!» Шикарно... Я переночевал в этой машине. Ночью было холодно. Проснулся утром. Меня тошнило. Из рта шла кровь.

В 9 утра у них снова было собрание. И снова кулич. На этот раз обсуждали тему «Духовность и Бог». Как только я услышал слово Бог, я тут же сделал то, что делал всегда в таких случаях – встал и вышел. Это не потому, что я не верил в Бога, но я ненавидел Его. Я провёл весь день в клубе, а вечером менеджер сказал мне: «Знаешь, пацан, для того, чтобы находиться здесь в будние дни, ты должен быть членом Сообщества. Но я разрешу тебе остаться, если ты перестанешь клянчить у людей деньги. Кроме этого, прекращай свои саркастические комментарии (люди уже жаловались на тебя). И ты обязан ходить на собрания каждый вечер». Я подумал: «Ну, ладно. Скоро кончатся дожди, и я рвану отсюда, как пуля». Я пошёл на собрание. Трудно поверить, но этот день стал первым днём моей трезвости.

В нашей Третьей Традиции сказано, что единственным требованием для членства является желание бросить пить. У меня такого желания не было. Вообще! То есть абсолютно! И вот почему. Один единственный раз я решил бросить пить в середине 50-х годов. Я тогда завёл привычку, напившись до определённого состояния, читать нотации полицейским. Соответственно, я несколько раз оказывался в тюрьме. Ничего особо страшного. Всего лишь на одну ночь. Утром меня выпускали, и я шёл на работу. И вот однажды, когда меня выпустили, я встретил своего соседа. Он предложил довезти меня до дома. Я сел к нему в машину и стал объяснять, что полицейский, который арестовал меня, поплатится за произвол, и что я этого так не оставлю, и что я с ним разберусь. А мой сосед ответил мне: «Думаю, что сейчас тебе будет не до этого. Мы искали тебя везде. Пока ты бухал, твой маленький сын умер».

О, Боже... За что?..

После нескольких дочерей у меня родился сын. Он был мне дороже всего на свете. У меня были для него грандиозные планы...

Я чуть не сошёл с ума от сожаления. Мы отвезли его в Висконсин и похоронили рядом с его бабушкой (матерью моей жены). И тогда я поклялся над его

гробом: «Джон Имисланд этого больше никогда не случится, обещаю тебе. Прости меня. Я люблю тебя».

Мы вернулись домой, и я бросил пить. Я не пошёл в АА! У меня, после того, как я их слушал, только появлялось желание выпить. Я возвращался домой с работы. Впервые за долгое время мы садились ужинать всей семьёй. Я помогал детям с домашними заданиями. На выходных мы выезжали за город или шли в кино. Перед едой мы всегда произносили молитву за упокой души маленького Джона. Жизнь была прекрасна. Это были, пожалуй, лучшие 2 или 3 недели в моей жизни. Но однажды ночью кто-то снова прокрался в мою спальню и вставил внутрь меня ту самую пружину. На следующий день жизнь уже не казалась такой чудесной. Дети шумели сильнее обычного. И работа порядком обрыдла мне. А ещё через пару дней дела совсем испортились. Я кричал на своих дочерей: «Мэри! Забери сейчас же своих сестёр и марш к себе в комнату! Извините, но играть будем завтра! Папа плохо себя чувствует». Работу на тот момент я просто возненавидел. Но я не знал, что делать. Пить я не мог. Ведь я поклялся на могиле своего сына, что больше никогда этого не сделаю. В конце концов, всё стало так плохо, что мне стало казаться, будто я схожу с ума. Однажды моя жена забрала дочерей на службу в церковь, а я загнал машину в гараж, подвёл шланг к выхлопной трубе, вывел другой его конец в салон, сел в машину и закрыл все окна. Я заснул и умер.

В то утро мой сосед сидел у себя на кухне возле окна и завтракал. Он видел, как я зашёл в гараж и пошёл проведать меня, когда спустя какое-то время я не появился обратно. Он и нашёл меня мёртвым.

Меня вытащили из машины, стали откачивать, делать искусственное дыхание. Потом на скорой доставили в госпиталь, где мне подключили кислород. Там меня продержали неделю под замком, наблюдая и обследуя. После чего, врачи пришли к выводу, что у меня серьёзное психическое расстройство, и посадили меня на неопределённый срок в сумасшедший дом. Вот каким я становлюсь, когда бросаю пить. Как вы понимаете, это не является моей целью.

Я пробыл в дурдоме где-то пару недель и как ни странно стал чувствовать себя лучше. Тогда я не мог понять почему, но теперь мне ясно, что, находясь там, я был защищён от реальности. Жить было просто. Какой-то здоровенный охранник говорил мне: «Даже не пытайся сбежать отсюда, парень». А мне такие вещи говорить нельзя. Буквально через неделю после этих слов я выбрался за дверь отделения, пересёк коридор, миновал входную дверь, перебрался через ограду и удрал. Если вы когда-нибудь были в западном Техасе, то можете понять, почему из такого госпиталя невозможно убежать. Вас будет видно бегущим в течение трёх дней – белый халатик, мелькающий в кактусах... Меня приволокли обратно и за эту беготню назначили 3 месяца терапии электрическим шоком. Я провёл в этом госпитале долгое время. Меня не выпустили до следующего года. Потом мне пришлось прикинуться алкоголиком...

И после всего этого, ну с какой стати я вдруг брошу пить? Уж не для того ли, чтобы с кровоточащим ртом спать в заброшенной машине, трясаясь от холода?

Но пора мне рассказать вам, что произошло.

На этих собраниях я увидел человека, которого раньше видел в нескольких фильмах. Кинозвезда... А что мы знаем про кинозвезд? Мы знаем, что они богаты. И я подумал: «Уверен, что этому парню нужен новый друг». Я стал проявлять к нему тёплые чувства, но он не отвечал мне взаимностью. К концу недели я был в довольно плачевном состоянии. Я устал спать в машине и питаться куличом. Надо было что-то делать, иначе я чувствовал, что сдохну. И тогда я подошёл к этому актёру и сказал: «Боб, мне очень нравится, как ты рассказываешь о своей программе выздоровления. Ты бы не мог быть моим спонсором?» Он сказал: «Хорошо, но ты должен будешь делать то, что я скажу». «Конечно, Боб», – ответил я с заискивающим смирением. Так он стал моим спонсором. Выяснилось, что он не был кинозвездой. Но тогда я этого не знал. Он сыграл маленькие роли в трёх фильмах. А я видел два из них, и поэтому решил, что он регулярно снимается в кино. Про него говорили, что он был посредственным актёром. Но я думаю, что он был хорошим актёром, потому что на собраниях он играл прекрасно. А это требует не малых усилий. Он был представителем ультраправого, мерзкого, фашистского крыла АА в худших своих проявлениях. Он постоянно рычал на меня. Сначала я не мог понять, почему я должен кушать всё это дерьмо от такого гада. Но потом мне стало ясно, что он – моя единственная надежда на то, чтобы выбраться отсюда. У меня не заняло много времени, чтобы понять, что я на порядок умнее его. И мне приходилось это скрывать. Ведь никто не хочет сознавать, что его подопечный умнее, чем он сам. Он постоянно говорил какие-то глупости. А я подыгрывал ему: «Ой, Боб, я никогда не задумывался над этим...» Порой от этого я был сам себе противен.

Теперь я понимаю, что он был хороший мужик и старался помочь мне как мог. Он был человеком твёрдых убеждений. Я однажды сказал ему: «Боб, я знаю, что ты пытаешься помочь мне. Но я не такой алкоголик, как остальные люди в АА. Моя проблема не алкоголь. У меня эмоциональные и может быть даже какие-то умственные проблемы. Я просто не знаю, как с ними справляться». Он ответил: «Хорошо, мы поговорим об этом позже». Иногда он брал меня с собой на разные собрания или отводил меня поесть. И вот однажды он повёз меня в Брентвуд. Там было большое собрание. Первым спикером оказался какой-то молодой мальчишка, который встал и сказал: «Я пришёл сюда сегодня, что поблагодарить всех вас за помощь. Когда я впервые пришёл к вам месяцев 10 или 11 тому назад, я очень много пил. Но вы объяснили мне, как оставаться трезвым. И я не пью с тех пор. Я не хожу на собрания уже 8 месяцев. Но я сейчас в процессе восстановления семьи. На работе у меня теперь всё идёт шикарно. И я просто хотел заглянуть к вам и ещё раз поблагодарить от всей души. Спасибо вам!»

Короче, ещё одна история успеха, от которой тошнит.

Но я обратил внимание, что Боб наехал на этого паренька сразу после собрания: «Тебе здесь нечего делать! Не приходи сюда! Ты только всё портишь!» По дороге домой я спросил его: «Боб, зачем ты так обрушился на малыша?» Он ответил: «Да потому, что его проблема – это алкоголь». Я съязвил: «Боб, надеюсь, что тебя это не ошарашит, но АА для того и существует, чтобы помогать людям, чьей проблемой является алкоголь». Он буркнул: «Ничего подобного!» Я спросил:

«А что тогда, Боб?» И он сказал: «Объясняю. Если у тебя проблема с алкоголем, то справляйся с ней так: брось пить, приведи себя в порядок, начни вести себя, как подобает, а если кто-то предложит тебе выпить, скажи: «Спасибо, я не пью» и всё!» Я воскликнул: «Чушь! Я вот уже 10 лет пытаюсь справиться с моей проблемой таким образом и ничего не получается!» Он ответил: «Значит твоя проблема не алкоголь. Видимо у тебя то же самое, что у меня, и то же, что у всех, кто ходит сюда». «И что же это такое, Боб?» – поинтересовался я. Он пояснил: «Похоже, что алкоголю довольно успешно удаётся обманывать многих людей. Это называется алкоголизм». Я взмолился: «Христа ради, Боб, перестань играть словами! Я, конечно, выгляжу ужасно, но в сообразительности мне не откажешь...» «Заткнись», – ответил он. После этого он прочёл мне трёхчасовую лекцию, бóльшую часть которой я не слушал, чтобы не сойти с ума. Но где-то среди этого шума я услышал то, что стало основой всех изменений в моей жизни.

И звучало это приблизительно так:

«Я же сказал тебе, что когда те, у кого проблема с алкоголем бросают пить, то их жизнь нормализуется. Но дела обстоят совсем иначе для тех, у кого эта странная, становящаяся фатальной, поглощающая весь разум, и разрушающая тело штукавина, которая называется алкоголизм, и которая, к сожалению, на первый взгляд, выглядит, как обычная проблема с алкоголем. Так вот если у тебя алкоголизм, а ты бросишь пить и начнёшь себя вести, как все нормальные люди, то постепенно боль такого существования станет для тебя невыносимой». Уже без всякого сарказма я сказал: «Боб, я такого никогда не слышал. Все твердят, что надо просто протрезветь». «Ничего подобного! – гаркнул он, – трезвость только усиливает боль». «Но ведь вы все тут протрезвели!» - удивлённо воскликнул я. «Да, но для нас это проходная дверь в другое измерение, а не конечный результат». Я ответил: «Ну это как-то не серьёзно... А вот ты мне всё таки объясни, если алкоголики начинают постоянно чувствовать себя так уж плохо, когда они пьют, то зачем они продолжают напиваться?» Он сказал: «Для человека, который ходит в АА уже 10 лет, ты плохо осведомлён. Алкоголики пьют не для того, чтобы алкоголь создавал им проблемы».

Он указал мне на стаканчик кофе и продолжил: «Если бы это был стакан виски, и я сделал из него большой глоток, то моё восприятие реальности изменилось бы практически моментально. Мир стал бы мягче, дружелюбнее... Ещё пару таких глотков – и я могу ладить со всеми вокруг. Ну, а потом единственная проблема – это остановиться прежде, чем я решу, что я – боец. И со мной такое часто случалось. Ты знаком с симптомами алкоголизма?» «Конечно! – сказал я, – но ведь я чувствую себя ужасно, когда я трезвый». «Правильно! – ответил он, – алкоголик – это человек, для которого алкоголь делает нечто волшебное». «Ты хочешь мне сказать, что он не делает то же самое для других людей?» – поразился я. «Меньше 10-ти процентов испытывают то же самое, что мы, когда они пьют», – ответил он. Я был озадачен: «Вот это да, Боб. А я и не подозревал». Он продолжал: «Ты мне тут недавно сказал, что пытался покончить жизнь самоубийством, когда жил в Техасе. Алкоголик каждый день живёт с мыслями об этом. Для нас это нормально. Видел когда-нибудь, такого как мы, когда он заходит в бар? – «Я решил покончить жизнь самоубийством.

Налейте мне, пожалуйста, пару стаканчиков на прощание. (Слёзы, сопли...) Я старался, как мог. Я делал всё, что от меня зависит... (Всхлипы, вздохи...)» А через 10 минут он уже подсаживается к какой-то дамочке: «Вы тут одна?» Так алкоголь меняет всё для нас». Я сказал: «Ты здорово объяснил, Боб. Это мне понятно. Но почему же тогда, уже протрезвев, алкоголики снова начинают пить? Вон у нас в группе девчонка, которая была трезвой довольно долго, а тут недавно сорвалась». «А это другая часть нашей проблемы, – ответил он, – ты действительно, похоже, мало что знаешь об этом».

Когда у меня уже было 25 лет трезвости, я услышал аудиозапись его выступления, и понял насколько он прав относительно теории, которая тогда показалась мне глупой. Он говорил следующее: «Трудно взрослеть в этом мире. Тебя будут пинать, толкать и грузить всякой дрянью. От тебя потребуется знать то, чего ты не знаешь. Ты будешь вынужден преодолевать конфликтные ситуации, с которыми ты не знаком. Это тяжело. А мы ведь часто даже не подозреваем, что целью всех этих заморочек является достижение эмоциональной зрелости. Некоторые достигают её в 50, другие – в 16... Но алкоголики практически никогда не достигают её». Я спросил: «Почему?» И он ответил: «Потому что где-то по пути, когда нам нужно было иметь дело с какой-то трудной ситуацией или с какими-то болезненными чувствами, мы обнаружили, что можем залить эти проблемы алкоголем. За вас, мои финансы! За тебя, стерва! Ты мне всё равно никогда не нравилась! Эй, мистер Шеф, возьмите-ка вы эту работу и засуньте себе в какое-нибудь отверстие! И это работает. Я так делал много раз. Но каждый раз, когда мы это делаем, где-то глубоко в нашей психике словно оседает холодный шар. И таких со временем набирается всё больше и больше. Мы не испытываем из-за них особых неудобств до тех пор, пока не бросаем пить. Но когда мы бросаем, эти шары начинают нагреваться. И это только вопрос времени, прежде чем что-то доведёт их до точки кипения. Этому может послужить любая домашняя ситуация или происшествие на улице, или случай на работе».

Я услышал его. Для меня это всегда упиралось в работу. Люди не проявляли ко мне достаточного уважения. А ведь у меня была высокая должность. Я был одним из лучших сочинителей. Я вам, понимаете ли, ни какой-нибудь мальчишка! Извольте проявить уважение! И стоило кому-то вякнуть мне слово поперёк, как я взрывался: «Да кто ты такой, чтоб так разговаривать со мной!» Ну, а потом хочется отомстить этому человеку, но не можешь, потому что это будет выглядеть инфантильно. И тогда начинаешь выжидать, но вдруг замечаешь, что его дружки тоже поглядывают на тебя как-то странно. А вскоре, по ночам, вместо того, чтобы спать, размышляешь обо всех этих болванах. И о том, как со всеми ними поквитаться. И, в конце концов, оказываешься там, где, как говорят врачи, мы вынуждены пить для того, чтобы сохранить своё здравомыслие. Так я снова иду в запой и теряю очередную работу.

- Клэнси, ты же был на прекрасном счету и зарабатывал хорошие деньги!.. Что случилось?

- Да они там все тупицы! Я послал их к чертям собачьим и уволился. Найду себе работу получше.

И я находил. И всё повторялось снова.

Неожиданно осознав это, я сказал ему: «Знаешь, Боб, ты только что поведал мне историю последних десяти лет моей жизни. У меня ведь были грандиозные планы. Я что-то представлял собой. А теперь я живу в заброшенной машине и вынужден кушать дерьмо от людей, которых в былые времена я бы не нанял стричь мой газон».

«Таким людям, как ты, малыш, есть название», – промолвил он. Так как Боб был матерщинником, мне приходится опустить часть сказанных им слов. «И что же это такое, Боб?» – поинтересовался я. «Ты – алкоголик», – ответил он. Я воскликнул: «Алкоголик?! Но ведь моя проблема не алкоголь!» Он сказал: «Согласен. Но *алкоголик – это не тот, у кого проблемы с алкоголем. Это тот, для кого решением всех проблем является алкоголь. И если это твоё решение, то ты пропал*».

Я помню, как он сказал мне это на третьей неделе декабря 1958 года, когда я был трезвым только 6 недель. И я подумал тогда: «Что если я действительно не сумасшедший? Что если всему моему дикому поведению есть объяснение?»

Я запомнил, когда это было, потому что именно тогда исчез мой страх, что я псих. И не имеет ни малейшего значения, как я пришёл к этому. Важно, что тогда я впервые подумал: «А может быть я всё-таки алкоголик...» И я спросил его: «Боб, а почему АА не объясняют это так же, как ты? Почему они всё время триндят о телесной аллергии и умственной одержимости?» «Ошибаешься, – ответил он, – они объясняют это именно так. Посмотри на Шаги, которые висят на стене. Номер один – ты должен согласиться, что у тебя проблема с алкоголем. Потом идёт тире, что в английском языке означает конец одной мысли и начало другой, равносильной по значению мысли. Ты также должен согласиться, что у тебя проблема без алкоголя. И если бы хоть одна из этих проблем отсутствовала, то тебя бы здесь не было».

Кстати, для тех из вас, кто только недавно пришёл в АА, тут есть над чем задуматься. Может быть, вы вдруг решите, что вам здесь не место. Но если бы вы могли, то сейчас пили бы в своё удовольствие. А если бы вы могли оставаться трезвыми и чувствовать себя комфортно, вы бы сидели себе дома и радовались жизни. И только когда вы не можете делать ни того, ни другого, вы оказываетесь в комнатах АА. Вы сидите там и думаете: «Что я делаю среди этих идиотов?» И вам придётся пройти через это, просидеть до тех пор, пока вы не поймёте, что ваше место именно здесь.

Ещё кое-что. Меня удерживали от АА первые три Шага. Я знаю, что они являются проблемой для многих людей. Мне доводилось работать с такими. Мне казалось, что я – не алкоголик. Но выяснилось, что я – алкоголик. Это произошло потому, что алкоголик – это не то, что я думал. Поэтому очень важно понимать суть первых трёх Шагов.

Итак, Боб сказал мне: «Тебе пора работать по Шагам». Я ответил: «Я не могу работать по Шагам, потому что не могу вернуться к Богу. Просто не могу. Видишь ли, когда умер мой сын, я проклял этого норвежского Бога. Он забрал у меня моего сына, который ни разу в жизни не согрешил, чтобы наказать меня за мои грехи. Плевать мне на такого Бога! Пусть Он идёт куда подальше! И, может быть, за эти слова мне придётся гореть в Аду, но Ему придётся подождать потому, что я не

сдамся без боя!» А Боб сказал: «В АА нигде не сказано, что ты должен вернуться к Богу...» «Ой, извини, к Силе более могущественной, чем мы, Боб. Неужели кто-то попадает на эту удочку?» – съязвил я, перебив его. «Ничего этого там не сказано! – рявкнул он, – читай, что тут написано! Мы поверили во что-то. Тебя никто не просит возвращаться к своим извращённым идеям и бывшим понятиям. Просто поверь во что-нибудь! Неужели ты не можешь поверить в любящего Бога?!» «Нет!» – отрезал я. Тогда он спросил меня: «Ты веришь в АА?» «Сейчас оно мне нравится больше, чем когда-то... Но не могу сказать, что я в восторге», – буркнул я. Он спросил: «Ты считаешь, что у меня дела идут лучше, чем у тебя?» Я кивнул: «Конечно». И тут он совершенно серьёзно и торжественно произнёс: «Поздравляю. Я – твоя новая Высшая Сила».

И поверите ли, но я с лёгкостью принял этот вариант потому, что Боб старался мне помочь. Он объяснил мне, что надо просто принять факт наличия Высшей Силы в АА. От меня даже не требовалось понимать, что это за Сила.

Он сказал мне: «Все эти люди в АА остались трезвыми не для того, чтобы обхитрить тебя. Их трезвость и есть демонстрация этой Силы».

Для такого человека, как я (считавшего, что у него высокий уровень интеллекта) очень важным было то, что меня обещали вернуть к здравомыслию.

А что вообще такое «здравомыслие»? Вы можете прочесть 10 книг по психиатрии, и каждая из них даст вам своё, отличное от других, определение этого термина. Но, как ни странно, определение сумасшествия фактически одинаковое у всех. Когда человеческий мозг, находясь в напряжённой или конфликтной ситуации, не способен разрешить её, то для сохранения целостности нервной системы он иногда изменяет своё восприятие реальности. Это называется психическим расстройством. Страдающие этой болезнью, как правило, неизлечимы, в первую очередь потому, что определить причину невозможно. Не бывает и такого, что человек сегодня имеет психическое расстройство, а завтра не имеет его. Когда болезнь у человека проявляется в форме психоза, то она становится очевидной, и его просто закрывают. Но у большинства людей это не заметно до тех пор, пока какой-то внешний фактор не послужит толчком к такому поведению. Вот, например, один такой случай, о котором писали в газетах. Я знал этого парня. Он жил в соседнем доме. Пришёл он однажды домой, взял ружьё и убил своих детей, жену и самого себя. Почему?! Что-то вызвало у него психоз.

«Трудная для восприятия вещь... Но люди с большим опытом в АА объяснили мне, что у алкоголиков практически никогда не бывает настоящего психоза. Казалось бы, уж мы-то выйдем, как самые подходящие кандидаты. Мы же в первых рядах, когда речь идёт о неврозах, жалости к самим себе и депрессиях, но не о психозе. Знаете почему? Потому что, когда ситуация становится невыносимой, алкоголики начинают пить. А алкоголь способен изменить наше восприятие реальности. То есть, нам с вами дана способность искусственным образом вызывать в себе временный психоз, позволяющий нам не доходить до реального психоза... Вот какие мы счастливички...»

На следующий день или через день мы возвращаемся к реальности, но до этого на какое-то время нам становится легче.

Боб был одним из людей, которые объясняли мне всё это. Он также донёс до меня, что *Шаги означают именно то, что в них написано*.

Я никогда не видел необходимости в проведении недельных семинаров, посвящённых интерпретации Шагов. Шаги значат то, что в них написано!

Я должен поверить в то, что существует Сила, которая избавит меня от необходимости вызывать в себе изменение восприятия реальности. Которая даст мне возможность оставаться трезвым.

Ну, и концовка Третьего Шага, где сказано что мы должны *«препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу, как мы Его понимали»*, казалась мне абсолютно нелепой. Попробуйте сделать это, когда у вас нет крыши над головой. Останется только спать на улице... Бог, может быть, и любит некоторых людей, но не таких как я. Вот, что крутилось в моей больной голове.

А Боб, став моей Высшей Силой, продолжал быть моим спонсором. Однажды он сказал мне: «Я хочу, чтобы ты начал писать Четвёртый Шаг». Я ответил ему, что не хотел бы этого делать потому, что у меня достаточно сожалений в этой жизни и мне бы очень не хотелось переживать их заново. Время шло, а я чувствовал себя всё хуже и хуже. Наконец я понял, что мне придётся делать то, чего хочет от меня моя Высшая Сила, которой являлся Боб. Я сел и написал Четвёртый Шаг. В тот день я чувствовал себя ужасно и выложил на бумагу всё самое плохое, что только мог, включая вещи о которых я старался вообще никогда не думать и не вспоминать. Я никогда не рассказывал их своим психиатрам. Меня спрашивали, почему я не делился с ними этой информацией... Да потому, что когда ты платишь такие деньги не хочется рисковать отказом в услугах: «Убирайся из моего офиса! И не вздумай возвращаться сюда! Но перед уходом продезинфицируй-ка стул, на котором ты сидел!»

Так постепенно Боб провёл меня по Шагам и моя жизнь начала меняться. У меня не было каких-то сильных духовных пробуждений. Их нет и по сей день. Зато у меня появилось ощущение, что все вокруг, наконец-то, стали вести себя, как надо. И по этой причине я до сих пор хожу на собрания. Мне они не нужны, но всем вам необходимы. Если я не приду на собрание, кто ж за вами проследит?

Мне нужно было найти какую-нибудь работу. В первый год моей трезвости я чуть было не наложил на себя руки потому, что меня всё время увольняли с работы. Меня выгнали из столовой, где я мыл посуду и из забегаловки, где я убирал со столов.

Кстати, помню я сидел в клубе и размышлял, как мне лучше всего покончить жизнь самоубийством... Вдруг один из мужиков сунул мне под нос книжечку «24 часа» и сказал: «Прочти это!» Я подумал: «Ну да, это именно то, что мне сейчас надо – побольше духовных поучений». Я открыл книгу на странице за 10-е февраля и прочёл, что как дерево, я должен быть избавлен от мёртвых ветвей, чтобы стать здоровым, и что хотя я выгляжу брошенным, умирающим и мрачным, но к весне я наполнюсь силой и вновь обрету жизнь. Эти слова полностью изменили ход моих мыслей. И я подумал: «А вдруг это действительно так?»

На втором году трезвости я даже умудрился продержаться на одной работе 7 месяцев прежде, чем меня уволили. После того, как я отпраздновал 2 года трезвости,

мои друзья из АА похлопотали за меня, и я получил работу писателя в большой медицинской корпорации. Мой спонсор отвёл меня в дешёвый комиссионный магазин и купил мне костюм, который сидел на мне мешком, но был приличного качества. У меня по-прежнему не было передних зубов, и я научился подворачивать губы так, чтобы их отсутствие не было сразу заметно. Вид у меня при этом был такой, будто я над чем-то размышляю. Я начал там работать. И вот однажды меня вызвали и сказали: «Клэнси, у нас тут проблема. Мы не уверены, что ты знаешь, как это делать, но у нас не получается описание одной медицинской процедуры. Ты бы не мог посмотреть, что там можно придумать?» Я ответил: «Конечно». Когда я посмотрел, то вспомнил, что много лет назад составил целый справочник с похожими материалами. И я написал для них всю процедуру. Они были в полном восторге: «Клэнси, как ты умудрился написать такое?! Это же здóрово! Ты умница!» И я подумал: «Ну, теперь они понимают, кто я такой...»

Через несколько дней я услышал у себя за спиной, как кто-то сказал: «У этого парня нет передних зубов». У меня в голове сразу пронеслось: «Начинается... Опять они за своё... Врежу-ка я этому кадру и брошу эту работу... Но если я так сделаю, то мне придётся объясняться с этим чёртовым Бобом...» Пришлось позвонить Бобу. Я стал жаловаться ему: «Боб, они издеваются надо мной!» «Что случилось?» – спросил он. «Они говорят, что у меня нет передних зубов!» – крикнул я. «А у тебя есть передние зубы!» – поинтересовался он. «Нету! – ответил я, – но дело не в этом. Они смеются надо мной!» Он спросил: «А почему он сказал это?» «Потому что он хотел выставить меня на посмешище!» – проорал я ему в ответ. «Ты точно знаешь, почему он сказал это?!» – рявкнул он. И тут я растерялся.

Разговор был окончен. Я подошёл к тому парню, который говорил у меня за спиной и сказал: «Я так понимаю, ты находишь забавным, что у меня нет передних зубов...» Он возразил: «Что ты... Наоборот, я как раз говорил остальным, что твой костюм не подходит тебе по размеру и он явно куплен в магазине подержанных вещей, и что у тебя нет передних зубов, однако ты блестяще написал очень сложную вещь. У тебя в жизни видимо были большие трудности, и теперь ты в процессе возвращения. Я снимаю шляпу перед такими людьми, как ты». Я ничего не смог сказать ему. Только стоял и хлопал глазами. У меня потом было ещё несколько таких ситуаций.

Когда я был трезвым 5 лет, то работал в этой же корпорации директором рекламы. К тому времени у меня уже были передние зубы, и я часто улыбался.

Для тех новичков, кто лишился зубов: позвольте обнадёжить вас – когда вы духовно очиститесь, они вырастут снова!

В 7 лет трезвости меня позвали в Голливуд, где мы ещё с одним парнем создали Радио БОС. Так появилась самая популярная тогда в мире станция рок-музыки. Мы первыми организовали в Калифорнии концерты «Beatles» и «Rolling Stones».

Когда у меня было 10 лет, я занимался связями с общественностью для крупной нефтяной компании. Имея 15 лет трезвости, я был торговым директором престижной фирмы в Беверли-Хиллз.

А когда у меня было 5 лет, та самая жена и дети, которые слышали шелест «зелени» в моём кармане аж в Далласе, штат Техас, примчались ко мне, как с голодного острова и присосались со всех сторон. Буквально через 9 месяцев и 10 секунд после их возвращения ещё один католик появился на свет – слава Богу, мальчишка. Теперь они все выросли.

Прошлым летом у меня произошло чудесное событие. У трёх моих дочерей был юбилей – 21 год трезвости в АА. И мы все вместе ездили на международную конференцию. Мы выглядели, как кошачья стая, но получили огромное удовольствие. У всех у них дела идут прекрасно. И только одна из моих дочерей плохо кончила. Я не люблю говорить об этом, потому что у меня портится настроение. Она стала судьёй. Несколько лет назад она приехала к нам на Рождество и сказала: «Папочка, помнишь, когда мы были маленькими, ты кричал на нас и требовал, чтобы мы шли к себе в комнату?» Я ответил: «Разумеется, помню, радость моя. Но ты же знаешь, почему я это делал». Она воскликнула: «Конечно! Но когда ты приедешь в Альбукерке, штат Нью-Мексико, я тебя тоже отправлю в маленькую комнату!» Я не поеду в Альбукерке.

Скажу вам кое-что ещё из того, что я узнал за эти годы. Если вы новенькие в АА, я поделюсь с вами своим мнением. В глубине души я уверен, что это также мнение Билла Уилсона. Но я вынужден говорить, что оно моё. Я беседовал с Биллом. Надо было тогда спросить его об этом. А речь идёт о том, что *Шаги Анонимных Алкоголиков постепенно меняют наше сознание. Понемножку, медленно они делают для нас то, что алкоголь делал быстро. Наше восприятие мира меняется. Он становится мягче, дружелюбней. Мы начинаем ладить с людьми. У нас появляется уверенность в себе, благодаря которой, мы не встанем на путь саморазрушения из-за чьего-то взгляда или чьей-то реплики. Но, так как это происходит понемножку, то мы обычно не замечаем сразу этих изменений. Особенно в начале нашей трезвости, когда они происходят буквально на полсекунды: «Ой, что это было?.. Я вдруг почувствовал себя хорошо на какое-то мгновение».*

Я помню, как однажды беседовал с Чаком Чемберленом и в разговоре поведал ему: «Знаешь, Чак, а для меня Высшей Силой стал Боб». Чак удивился: «Почему он?» «Бог ненавидит меня», – произнёс я загробным голосом. А Чак сказал мне: «Малыш, у меня для тебя есть новость. Ты не столь важен для Бога, чтобы Он тебя ненавидел».

Это хорошая и плохая новость одновременно. Хорошая – для меня, плохая – для моего эго.

Я пришёл тогда домой и стал молиться искренне, как мог. С тех пор я только так и молюсь. И теперь каждый день в молитве я со всей искренностью благодарю Его за мою трезвость. Я молюсь *о знании Его воли, которую мне надлежит исполнить, и о даровании силы для этого.* И никакой торговли, как это было в старые времена – сделай для меня это, а я сделаю для тебя это. Для таких, как я, самое лучшее в наших Шагах, это молитва о знании Его воли, которую мне надлежит исполнить и о даровании силы для этого.

У меня потрясающая жизнь. Но даже в ней порой происходят странные вещи. Когда я был трезвым 15 лет, я зарабатывал большие деньги, у детей дела шли прекрасно, а моего сына избрали капитаном футбольной команды школы. И по каким-то совершенно непонятным мне причинам, я сам неожиданно для себя уволился с престижной работы в Беверли-Хиллз и последние 37 лет являюсь генеральным директором «Полуночного убежища» – той самой ночлежки, из которой меня вышвырнули в 1958 году. Люди удивляются: «Почему ты бросил такую блестящую карьеру в рекламном бизнесе ради приюта для бродяг?» У меня нет ответа на этот вопрос. Но я обычно отвечаю: «Ради столь значительной убавки в зарплате, я просто не мог отказаться от такого предложения!»

У меня большой дом на берегу океана. Сегодня на участке дома 150 членов АА играют в футбол, как это обычно бывает каждую субботу. Я бы сам хотел там присутствовать.

В понедельник утром я буду делать то, чем большинство из вас вряд ли станут заниматься. Я поеду через Беверли-Хиллз в город. Поставлю машину возле «Полуночного убежища» и отправлюсь делать обход. Я узнаю, кто умер, кого пырнули ножом, кого арестовали, кто при смерти... Это жутко. Потом я проведу весь день с рабочим персоналом, пытаюсь спасти хоть кого-то из этих бедолаг, ища способы убедить их встать на путь выздоровления. Мало кто из таких «клиентов» возвращается к нормальной жизни. Это не госпиталь. У нас страшное место. Но иногда кто-то из них оживает. И всё, чем я там занимаюсь, делается именно ради этого. А вечером я буду ужинать с женой и внуком, который сейчас живёт у нас. А потом я пойду на собрание, сяду где-нибудь в середине, и буду делать вид, что мне интересны высказывания остальных присутствующих. В результате я услышу именно то, что должен.

Самое интересное, что мою жизнь сегодня не назовёшь увлекательной. У меня уже была такая когда-то. Но мои дела в порядке и я хорошо сплю. И я порой думаю: «Почему я не видел этого раньше? Почему я столько лет не мог прозреть?» Но, как говорил старина Чемберлен: «Мы не видим, пока не увидим и не слышим, пока не услышим...»

В заключении я хотел бы прочесть вам одну вещь, которую написал мой друг из Австралии. В своих выступлениях я никогда ничего не зачитываю. Но на этот раз я бы хотел сделать исключение. Она называется «Мы – алкоголики». Просто послушайте.

«Мы умирали от пневмонии в меблированных комнатах, где нас находили через 3 три дня потому, что кто-то жаловался на запах. Мы умирали под мостами, и никто не знал, было ли это самоубийством. Мы и сами не знали этого, хотя, если вдуматься – это всегда было самоубийством. Мы умирали в больницах с огромными вздутыми животами, и никто не мог ничего поделать. Мы умирали в камерах, так и не узнав, виновны мы или нет. Мы ходили к священникам. Они давали нам обещания. Они говорили нам, чтобы мы молились. Они говорили нам идти и больше не грешить... но идти! Мы шли. И мы умирали. Мы умирали от передозировки. Мы умирали в кроватях. Мы умирали в смиренных рубашках, видя в белой горячке, Бог весть какие кошмарные, омерзительные и жуткие вещи.

Но знаете, что было хуже всего? Хуже всего было то, что никто понятия не имел, как мы старались. Мы ходили к врачам, а они, руководствуясь принципом «это настолько безумно, что может подействовать», давали нам лекарства, от которых нас тошнило при употреблении алкоголя. Иногда они просто качали головами и посылали нас в госпитали для умалишённых. И нас выпускали оттуда, пристрастившихся к успокоительному и снотворному. Мы врали врачам. А они говорили нам, чтобы мы пили умеренней. И мы пытались. И мы умирали. С закреплёнными намертво проволокой сломанными челюстями мы тонули, захлебнувшись собственной рвотой. Мы умирали, играя в «русскую» рулетку, и люди думали, что мы проиграли. Но мы-то знали лучше. Мы умирали под копытами лошадей, под колёсами машин, от ножей и под каблуками наших братьев-алкоголиков. Мы умирали в стыде. А знаете, что самое ужасное? Самое ужасное то, что мы и сами не могли поверить, что действительно очень старались. Нам казалось, что мы только думали, что мы старались. И мы умирали, веря, что мы не понимаем, как надо стараться, и что мы не старались. Когда доведённые до отчаяния, в надежде на чудо мы начинали искать помощи, то шли к людям с буквами после фамилий**, надеясь, что те прочли правильные книги, в которых были правильные слова. И никто из нас не догадывался о пугающей правде, что правильные слова, оказавшиеся такими простыми, тогда ещё не были написаны.

Мы умирали, падая с высотных домов. Мы умирали со стволом ружья во рту. Мы умирали в безлюдных местах со связанными за спиной руками и пулей в затылке, потому что на этот раз мы обманули не тех людей. Мы умирали в конвульсиях и от инсультов. Мы умирали проклятыми, опозоренными и брошенными. Если мы были женищинами, то умирали униженными, потому что женищины гораздо более требовательны к самим себе. Мы старались. И мы умирали. И никто не оплакивал нас. А хуже всего было то, что на каждого умершего приходилось сто или даже тысяча тех из нас, кто хотел умереть. Кто жаждал смерти. Кто засыпал, молясь о том, чтобы не проснуться, потому что выносить эту боль было невозможно. И мы были уверены, что это никогда не изменится.

Однажды в нью-йоркском госпитале у одного из нас произошло то, что в книгах называют «духовным пробуждением». И он сказал себе: «Я нашёл ответ!» Нет. У него была только часть ответа. «Я должен делиться этим», – решил он. И он старался, как мог. Но мы не слышали его. И мы умирали. Мы умирали от последней успокаивающей сигареты, закурив которую мы отключались, и наш матрас загорался. О нас говорили, что мы задохнулись ещё до того, как наши тела обгорели, и что мы ничего не почувствовали. Умереть таким образом для нас было лучшее, что могло произойти... правда иногда вместе с нами гибла наша семья.

Ещё один человек из Нью-Йорка*** был уверен, что знает ответ. Он пытался молитвой привести нас к трезвости. Но и это не работало потому, что молитва приводит алкоголиков в замешательство. Он старался. А мы умирали. Один за другим мы обнадеживали его, а потом разбивали ему сердце, потому что мы всегда так делаем. Но самым худшим было то, что каждый раз, когда нам казалось, будто мы уже знаем всё худшее, случалось что-то ещё хуже. Это длилось до тех пор, пока не настал тот день в фойе отеля, находившегося не в

Риме, не в Иерусалиме, не в Мекке, не в Дублине и даже не в Бостоне. Это произошло в Акроне, штат Огайо, из всех мест! Настал день, когда алкоголик сказал: «Мне надо найти другого алкоголика потому, что он нужен мне не меньше, чем я нужен ему». Теперь он нашёл ответ. И вот, после стольких лет, канал передачи был открыт... Теперь мы не идём к священникам, мы не идём к врачам и к людям с буквами после фамилий. Мы идём к тем, кто был там. Мы идём друг к другу. И мы стараемся. И мы можем больше не умирать».
Спасибо!

* Первые шесть с половиной минут Клэнси комментировал предыдущих спикеров и рассказывал историю своей поездки в Рейкьявик (Исландия). Хотя в этой части его речи много забавного, я не стал переводить её потому, что она не имеет никакого отношения к его непосредственной истории, и потому, что большинство из упоминаемых им людей, пока ещё мало известны в российском АА.

** В англоязычных странах на вывесках и визитных карточках учёные степени, как правило, указаны аббревиатурой первых букв после фамилии.

*** Речь идёт о пасторе Сэме Шумакере, лидере Оксфордской Группы в Нью-Йорке.